

КАКИМ БЫТЬ УЧЕБНИКУ ИСТОРИИ?

1. Чем должны руководствоваться авторы учебника истории? Собственными пропагандистскими устремлениями или комплексом педагогических задач?
2. Возможно ли в школьном учебнике истории найти баланс между научностью и воодушевляющим патриотизмом?
3. Если каждая социальная группа желает видеть такой учебник истории, который изображает представителей именно этой группы благородными и дальновидными, а прочих — своекорыстными и близорукими, как примирить эти интересы в одном каноническом тексте?
4. Возможно ли создание учебника как истории трагической борьбы, в которой за каждым из участников была своя правда?
5. Какие эпизоды российской истории вы бы не включили в «исторический минимум»?
6. Почему мы не слышим дискуссий о том, как сделать учебник истории захватывающим и увлекательным? Может быть, этот учебник должны писать не историки, а группа психологов, педагогов, писателей-мифотворцев?
7. Должны ли в учебнике присутствовать оценки событий с точки зрения прогресса и регресса?
8. Самые сложные сюжеты — в XX веке. Целесообразно ли их оценку зафиксировать не по итогам битвы «партийных» интересов научных школ, а с помощью масштабных социологических опросов?
9. Следует ли после создания общенационального учебника истории законодательно объявить временный мораторий на его ревизию?

Лев Аннинский, критик (Москва)

1. Без комплекса пропагандистских задач авторам учебника истории не обойтись. Но в базе должны лежать собственные убеждения, соотношенные с устоявшимися (на данный момент) общественными идеалами. По возможности — при минимуме собственных пропагандистских устремлений.
2. Окончательный баланс невозможен. На каждом историческом этапе его надо

находить заново. Не запарываясь в дохлую ученость и не взлетая в первобытный патриотизм.

3. Примирить интересы участников исторического процесса вряд ли возможно, но сопоставить и сопрячь — желательно. Учесть наличие вариативных историй: в пределах общей картины это, например, история Сибири, история Урала, история казачества, история Дальнего Востока, история Кавказа — в контексте общероссийской истории. Варианты изучать факультативно, но так, чтобы общий контекст был неотменим. Иначе это будет история развала. Или история болезни от сухотки и старости.

4. История неизбежно и непоправимо трагична. Это нужно обязательно акцентировать в общем курсе. Как примирять участников трагедии? Мыслимы такие уровни: общая истина, которая неисчерпаема и до конца непостижима, и правда каждого из участников исторического действия. Правда ясна и достижима. Но истина ею не исчерпывается.

5. В нынешний минимум я не включал бы подробности партийных междоусобий XX века. Всю эту фракционную чесотку. Но вообще-то я так устроен, что мне жаль что-либо терять из пережитого. Все важно, ибо все больно. Но жертвовать придется. Подробности.

6. Дискуссий мы не слышим, потому что не слушаем. А не слушаем, потому что их (и друг друга) боимся. Вдруг не сообразим, на чьей стороне окажемся. Мне же по душе мифотворцы. Но при наличии исторического, психологического и педагогического комментария.

7. Не знаю, что такое прогресс и регресс в истории культуры. Знаю, что они такое в истории цивилизации. В производстве унитаза и пушек. Однако в том, что думает человек, сидя на унитазе или заряжая пушку, не знаю никакого прогресса. Или регресса. История культуры — это высший смысл того, о чем люди думают. Смысл, который выше прогресса или регресса.

8. Опросы социологов (результаты) надо включать в оценку сложных процессов XX века. Это материал. А оценки — дело тех, кто строит из материала исторические сюжеты и ищет их общий смысл.

9. Объявить мораторий — значит подстегнуть ревизию и спровоцировать дурные амбиции. Я бы лучше объявил рамки, внутри которых призвал бы учителей к полной свободе частных оценок. Обсуждать открыто. И учеников к этому готовить.

Сергей Гавров, доктор философских наук (Москва)

В России жить интересно. Временами страшно, как при Сталине, временами забавно и поучительно, как сегодня. История повторяется почти дословно, с поправкой на иное время и нравы. То, что они все-таки иные, чем в 30-е годы прошлого века, безусловно радует. Радует и многократно высказанное нежелание Президента России В. В. Путина примерить на себя «сталинскую шинель».

Но все же совпадения с 30-ми годами в содержательном наполнении политики удивительные. Тогда тоже стали укреплять семью, отходить от феминистских женотделов, запрещать аборт. И это после самого либерального в мире семейно-брачного законодательства 20-х годов. Сегодня тоже укрепляем семью, воспитываем «здоровое поколение». В этой логике на очереди, похоже, запрещение абортов. Все это, может быть, отчасти и неплохо, нужно помнить только, что здоровое поколение 30-х было практически полностью уничтожено в ходе Второй мировой войны. Как и здоровое поколение, воспитанное в русской деревне и юнкерских училищах за четверть века до этого, полегло на полях Первой мировой войны.

Меня не покидает стойкое ощущение, что степень здоровья поколения связано с его жертвенностью, точнее, со способностью стать объектом «коллективного жертвоприношения». И это относится не только к России. Так что в желании воспитать совершенное поколение с оптимистическим единомыслием в головах надо быть осторожными.

Какое ко всему этому имеет отношение инициатива по созданию единого учебника истории? Самое прямое. Вспомним, как в 30-е годы громили историческую школу Михаила Покровского. Громили за излишний критический настрой по отношению к российской истории имперского и доимперского периодов. Как же: он поддерживал ранний большевистский лозунг, что «царская империя — тюрьма народов». Какая тюрьма, она «отчий дом», возражали новые советские государственники во главе со Сталиным. Отношение к нему лично, к большевистскому перевороту октября 1917-го, к ленинско-сталинскому периоду в жизни СССР можно рассмотреть в качестве примера тех противоречий, с которыми неизбежно столкнутся авторы учебника.

И по прошествии шестидесяти лет со дня смерти Сталина в обществе не утихают ожесточенные споры об этой исторической фигуре. К нему имеют прямое отношение выигранная Великая война, и разгром Красной армии в ее первые месяцы, и цена победы в тридцать два миллиона жизней. Индустриализация и голод на Украине, варварская коллективизация. Миллионы репрессированных и советские ракетные, ядерные программы, НИИ и шарашки, в которых создавались новые технологии. Круг первый, по Данте и Солженицыну. Но именно благодаря этому оружию страна смогла добиться военного паритета с США, не стала жертвой ядерного удара со стороны Америки. И сегодняшняя «булава» берет начало от бериевских еще усилий по созданию красного ядерного щита.

В истории России часто происходит именно так. Приходил смертельный враг, разрушал страну, и все начиналось как бы заново. С точки зрения участников событий, это победа абсолютного зла. Мы не смогли в свое время отбить нашествие Мамаевых полчищ. Годами вокруг Киева истлели останки русских людей, и некому было похоронить их. Столетиями переваривала Русь эту страшную чужеземную беду. Так борется организм со смертельной инфекцией, переводя ее в хроническую форму, пытаясь использовать энергию смерти для жизни.

Павшие за Родину истлели. За триста лет ордынского ига поднялась Москва. Русь постепенно становилась Россией, вступая в права «татарского наследства», идя к «последнему морю» — к Тихому океану.

Не случись этой страшной беды — монгольского завоевания, мы так бы и остались в истории небольшой, сегодня уже «чистенькой» группой европейских стран, наследниц Киевской Руси. Но страшной ценой одолев смертельную инфекцию, мы стали Россией.

Чем-то схоже и большевистское нашествие, поразившее Россию в 1917-м. По мне, хорошо бы, чтобы его остановили, чтобы части Белых армий Деникина, Юденича или Колчака вошли в Москву и державный Санкт-Петербург. Хорошо бы, сбылось пророчество Марины Цветаевой: «и войдет в столицу белый полк»... Но не смогли, не сдюжили тогда, как и столетия до этого не удержали монгольское нашествие. Вновь, через грязь и кровь Гражданской войны, варварскую коллективизацию и репрессии, заново начали российскую историю.

Страна сбросила в свое время ордынское иго, когда Орда устала, ослабла от внутренних усобиц, после великой победы на поле Куликовом. В годы революции и Гражданской войны России не удалось удержать наступающее иго большевиков. Как и былинные дружинники Киевской Руси, с оружием в руках сопротивлялись

крестьяне Тамбова и Сибири, рабочие воткинских заводов... Но страна попала под власть большевиков, а за семьдесят лет они стали частью российской истории, их оттуда уже не выбросишь, как бы к этому ни относиться.

Сталин стал красным Бонапартом, появления которого так боялся Ленин и другие руководители партии. Он уничтожил тех, кто делал революцию, тех, кто убивал Россию в годы Гражданской войны. Он стал «бичом божьим» для миллионов крестьян, рабочих, интеллигенции. Среди миллионов его невинных жертв были и «комбриги Котовы», и революционеры с женеvским и лондонским партийным стажем, те, кто готовил большевистскую революцию вполне осознанно.

Но говоря о Сталине, следует помнить, что не он был инициатором и идеологом большевистской революции. Он тоже немало поспособствовал ей, но перед ним были Ленин и Троцкий, Свердлов и Дзержинский...

Он остался в памяти народной. Прививка от заразы левых идей, сделанная Сталиным, даже в трудные трансформационные 90-е не позволила КПРФ стать властью. И шкала подоходного налога у нас сегодня плоская, 13 %, а не как у французов, не получивших такой прививки от марксизма и социализма всех мастей, до 80 %. Поэтому и Депардьё сегодня с нами, а не с наследниками Великой французской революции.

Воевали ли в годы Великой Отечественной войны за Сталина? Нет, конечно. Русские люди всегда воевали за Россию, в каком бы обличье она ни представляла в истории. Да и в самом Сталинграде было скорее так, как описал в «Жизни и судьбе» Василий Гроссман.

В мировой истории были Чингисхан и Тамерлан. В нашей Иван Грозный и Сталин. Пусть и в несравненно меньшем количественном составе¹, чем это было бы возможно без участия этих персонажей в истории, мы выжили и даже пытаемся сегодня использовать за пределами страшное во имя жизни. Пишем о советском Тамерлане, начавшем свой путь с революционных «эксов», а закончившем созданием советской ядерной бомбы и почти полным восстановлением границ Российской империи Романовых: «Львов никогда не был в составе России. Зато Варшава была», — ответил он в конце Второй мировой войны западным союзникам.

Сегодня кажется, что написать интегрированный учебник истории невозможно. Но мы живем в России, в стране, сочетающей в себе несочетаемое. Красные звезды и имперские орлы, Сталина и либерализм, попытку синтеза досоветского и советского патриотизмов.

Осуществляя этот синтез, надо помнить только, что советский период занял около семидесяти лет в тысячелетней истории России. Так что и советский патриотизм имеет подчиненное значение по отношению к патриотизму белому, имперскому. Сегодня стоит соблюдать исторические пропорции, помнить, что их нарушение, перекоc в сторону советскости, может разрушить всю конструкцию, работать не на укрепление, а на разрушение России.

Теперь, собственно, к вопросам анкеты.

1. Чем должны руководствоваться авторы учебника истории?

Перед ними стоит почти неразрешимая задача. С одной стороны, у школьников не должно возникать слишком мрачного ощущения от российской истории — если брать период средневековья, например, то он не особо худший или лучший, чем у других. Сложнее с XX веком. Большевики в этом смысле — явление выдающееся, но были же и японские колониальные войска в Китае, и американская армия во Вьетнаме, да и «цивилизованные» англичане с французами и прочие что только не

делали с колониальными народами... Отличие, правда, в том, что большевики несколько не лучше относились и к жителям метрополии.

Хорошо бы, конечно, написать учебник, исходя не из пропагандистских устремлений, а, как изящно выразились авторы анкеты, «из комплекса педагогических задач», но задача авторам «единого учебника» формально и неформально поставлена первая. Да и «педагогические задачи» при случае вполне можно подстроить под задачи «текущего момента».

2. Как можно написать соответствующий реальным историческим событиям, но «патриотически» ориентированный учебник истории? Либо умалчивая о том, что было, либо давая реальным историческим событиям фантастическое объяснение. В духе того, например, что репрессии 1937–1938 и прочих годов советской власти были борьбой с «пятой колонной», которая якобы помогла потом выиграть Великую войну.

Но, возможно или невозможно, надо искать, если «колесо истории» на наших глазах делает очередной поворот. Очень важны формулировки-определения, полутона и нюансы. Очень важна профессиональная честность авторов, да и просто соответствие профессии историка профессиональному цензу, если угодно. Опять, как и при советской власти, а впрочем, как и почти всегда в нашей истории, все зависит от человека, от такого затертого и совсем несовременного определения, как «профессиональное и гражданское достоинство».

3. Не совсем понятно, что именно авторы анкеты имеют в виду. Если говорить о крестьянстве, например, то основную часть послесталинского Политбюро составляли выходцы из крестьян, но что они сделали для них, распустили ли колхозы? В чем были преференции крестьянам?

Если говорить о борьбе условных «левых — интернационалистов» и «правых — патриотов-почвенников» в советской-российской интеллигенции, то здесь есть свои точки соприкосновения. В отношении октябрьского переворота 1917-го и в отношении коллективизации. Такие общие оценки надо искать, понимая, что их будет не так много.

4. Задача очень интересная. «Каховка, Каховка, родная винтовка...» с одной непримиримой стороны, и «Шли дроздовцы твердым шагом, враг под натиском бежал, и с трехцветным русским флагом славу полк себе стяжал...» с другой. С нашим сегодняшним, между прочим, трехцветным флагом, и об этом надо помнить. Иными словами, исторические этапы в жизни России, которые пытаются примирить на страницах учебника, идейно неравноценны. Постсоветской России все-таки идейно ближе досоветский и даже дофевральский периоды нашей истории, а не советский период, хотя последний хронологически ближе.

5. Очень тяжелый вопрос. Как подростковая неустойчивая психика выдержит правдивое изложение страшного голода на Украине, в Казахстане и отчасти в Поволжье в начале 30-х? Когда съели все живое и трупный смрад и скелеты потом лежали в хатах, и так целыми, многими и многими селами. У этих преступлений против человечества нет срока давности. Как об этом написать в учебнике?

Или о большевистской практике красного террора, когда людей хватили на улицах Москвы, Петрограда, других городов, брали в заложники, потом расстреливали. И «чистых от нечистых» отделяли по одежде, лицам («может, ты, вражина, книжки в детстве читал, глаза портил, вот теперь пенсне носишь») да по рукам. Есть мозоли или нет.

На руках современных школьников в крупных российских городах мозолей, как правило, нет. А это значит, что в те годы каждый из них, выйдя на улицу, мог бы быть расстрелян только на этом основании. Какая славная, дети, советская

власть, правда? Сталинские лагеря в изложении Варлама Шаламова, в его «Колымских рассказах». Хотя, возможно, стоит обо всем этом написать. Чтобы дети помнили впрок, помнили, становясь взрослыми и принимая политические решения.

6. Написать такой учебник сегодня сподручнее не профессиональным историкам, а публицистам-мифологам, способным сделать работу в духе Константина Леонтьева: «...по существенному духу нации нашей законно и хорошо все то, что исходит от Верховной Власти. Законно было закрепощение, законно и хорошо было разделение народа на сословия (или „состояния“), все было хорошо в свое время — и старые, закрытые суды, и телесное наказание. Законно и хорошо уничтожение всего этого, не столько по существу, сколько потому, что Верховной Власти было так угодно... Мы так думаем и не считаем того настоящим русским, кто не умеет так думать, хотя бы он был и самый честный, и самый полезный с виду в делах своих человек...»² Насколько написанный на таких идейных основаниях учебник будет увлекателен, зависит от меры литературного таланта авторов, их способности складывать «пазлы» исторических событий, используя увеличительные стекла в отношении одних и уменьшительные в отношении других, способность написать идейно выдержанный исторический детектив.

7. Вопрос сложный с такого рода определениями-классификациями. Была ли Февральская революция, фактически установившая республиканскую форму правления, прогрессивна в отношении конституционной монархии в России? Формально была. Но за ней последовал несравнимо больший регресс большевистской революции, уже в 30-е годы отбросивший страну в глубокую архаику.

Хотя многие вещи могут быть охарактеризованы как прогрессивные. Введение восьмичасового рабочего дня, равноправия женщин, всеобщего избирательного права, сегодняшнего стремления установить безвизовый режим с Европой. И регрессивные срывы видны. Чего стоят, например, «новое закрепощение крестьян» в колхозах, отказ в выдаче паспортов, ограничения-запреты на свободное перемещение людей, товаров и капитала во времена СССР.

Но, повторюсь, со многим здесь сложно. Что-то начиналось как безусловный прогресс, сразу на три, десять ступенек вверх, а потом кубарем вниз, по «лестнице истории», именно благодаря этому прогрессивному скачку наверх.

9. Объявить мораторий можно, но что это даст в реальности? Небольшую фиксацию содержания во времени, потом все начнется заново. Писать и переписывать исходя из потребностей текущего момента, целесообразности, закрепления у власти тех сил, которые есть при ней на данный момент. Подгонять под них историю, показывая, какую историческую традицию они продолжают, тем самым исторически легитимируя данную власть.

Когда к власти в России приходят условные демократы, историки вспоминают реформатора Александра II, премьер-министра Временного правительства Керенского, князя Львова, Хрущева, Горбачева и Ельцина. Когда у власти условные консерваторы, добрым словом поминают Александра Невского, Александра III и Сталина.

И это не наше новое постсоветское изобретение. Так было в СССР, да и в русских летописях тексты правила и страницы пропадали, так что в этом нет ничего нового.

¹ Прямые и косвенные потери населения от правления большевиков оцениваются примерно в 125 миллионов человек, то есть практически каждый второй россиянин, исходя из сегодняшней численности населения России.

² Леонтьев К. Н. Двадцатипятилетие Царствования // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 226.

Яков Гордин, писатель, историк (Санкт-Петербург)

1–9.

В 1859 году — в разгар тогдашней «оттепели» — действительный статский советник Прутков, предвидя возможные неприятности от всплеска общественной активности, сочинил проект «О введении единомыслия в России»: «Убеждения, безначалие, неуважение к старшим, „собственное“ мнение!!! Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется и на чем основано?.. Вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия с властью во мнениях... На основании всех вышеизложенных соображений и принимая во внимание, с одной стороны, явную необходимость установления однообразной точки зрения в просторном нашем отечестве, с другой же стороны, усматривая невозможность этой благой цели без учреждения официального печатного органа...» И так далее. Разумеется, действительный статский советник упоминает и «неотвратимые результаты истории» как результат деятельности власти, что подлежит непременному и единообразному объяснению.

Установить единомыслие в России по какому-либо поводу — в том числе в смысле толкования истории — не удалось ни при самодержавии, ни при коммунистической диктатуре. Как показал опыт, сами эти попытки становятся опасной провокацией и приводят к обратному результату.

В чем смысл единого учебника истории, призванного дать единственно верный вариант событий и единственно верное их толкование? Насколько я понимаю, цель — отсечь безответственное искажение фактов и произвольное их толкование, что вносит смуту в молодые умы. Цель сама по себе благая, но, увы, утопичная и чреватая тяжелыми издержками. И ближайший результат — потеря доверия к навязываемому варианту.

И книжные полки магазинов, и Интернет и в самом деле наполнены всяким вздором, который выдается за «подлинную историческую правду». И это — опасно. И необходимо что-то этому вздору противопоставить.

Но может ли выполнить эту благородную функцию единый учебник?

Беда в том, что крупные исторические события не поддаются плоскому единообразному описанию и толкованию без неизбежного ущерба для восприятия умным читателем. Выразительный пример — Отечественная война 1812 года, столь памятная нашим согражданам по недавнему юбилею.

Казалось бы — досконально изученный историками материал. Но...

Существует множество вполне профессиональных историй этой войны. Однако если мы возьмем для примера известную монографию военного историка П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России», изданную в 1974 году, и яркую книгу Н. А. Троицкого «1812. Великий год России», вышедшую через четырнадцать лет, и сопоставим, скажем, описание Бородинского сражения — событие подробнейшим образом документированное! — то перед нами окажутся существенно отличные друг от друга события. При том что оба историка прекрасно знают фактическую сторону дела.

Скажем, в данном случае можно сослаться на разность эпох, в которые создавались оба исследования. Но сопоставим описание Бородинской битвы в мемуарной биографии Багратиона, написанной широко известным и популярным историком Е. В. Анисимовым, с таковым же в книге профессионального военного историка полковника А. Ю. Бондаренко о Милорадовиче — обе вышли в последние годы, — то опять-таки обнаружим разницу подходов при абсолютной добросовестности авторов. Точку зрения мощно диктуют персонажи.

Но дело даже не в неизбежной субъективности того или иного исследователя, а

в принципиальной многосмысленности крупного исторического события, его многофакторности, невозможности унифицировать мотивы его участников, наконец, неизбежную противоречивость источников, обилие которых только усугубляет сложность ситуации.

Оставим в стороне проблему тенденциозности, политического заказа, общественного запроса. Будем ориентироваться на идеальный случай: абсолютную независимость и профессиональную честность исследователей.

Как быть автору — или авторам — единого учебника истории? Ему — или им — придется выбирать один жесткий вариант. Иначе что же это за «единство»?

И вот тут мы попадаем в ловушку. Толковый старшеклассник или студент, естественно, поймет ограниченность предлагаемой ему информации и упрощенность толкования. И — как неизбежный результат — думающий молодой человек станет искать удовлетворения своего живого интереса у тех, кто решительно предлагает «подлинную историческую правду», скрываемую официальной историографией. И мы получаем результат, обратный желаемому.

И это только один аспект ситуации, в которую мы рискуем угодить, реализуя идею единого учебника.

История — как человеческая жизнь. Она не поддается формализации.

У нас нет и быть не может, скажем, единой биографии Пушкина. Сложность и парадоксальность внутренней жизни, закрытой от самого пронизательного биографа, многообразие творческих импульсов, их необъяснимость, кажущаяся противоречивость поступков не дают возможности формализовать эту стихию. Иначе происходит упрощение личности и оскудение смыслов. Наши штудии, посвященные жизни Пушкина, — догадки с разной степенью приближенности к истине. И надо это сознавать

То же самое и с историей. Нет ни малейшей возможности втиснуть нашу великую, внутренне противоречивую, трагическую и героическую историю в рамки одного единственно правильного подхода.

Это будет отнюдь не русская история, которая именно своей напряженностью и трагедийностью должна давать урок идущим за нами поколениям.

Высокую воспитательную функцию может выполнить лишь восприятие широкой и многообразной картины, дающей простор для самостоятельной мысли. Только это может противостоять дилетантским фантазиям и злонамеренным выдумкам.

Владимир Елистратов, доктор филологических наук (Москва)

1. Исконно «заниматься педагогикой» — значит «воспитывать детей». Это по-гречески. А «заниматься пропагандой» — «распространять веру». Это по-латински. В XVII веке папа римский Урбан VII создал такую организацию по пропаганде католицизма. Я не вижу никакого противоречия между воспитанием детей и пропагандой. Потому что неизбежно (если без ханжества) воспитание — это наполовину, а то и больше пропаганда определенной системы ценностей. А пропаганда — почти синоним воспитания. Что такое «комплекс педагогических задач»? Это: а) перечень фактов; б) их «пропагандистско-воспитательная» интерпретация. А и Б — замкнутый круг. Подбор фактов неизбежно тенденциозен и подгоняется под пропаганду. Пропаганда строится на подборе фактов. Если мы расскажем в учебнике детям, что в 1812 году чуть не половина французов погибла не от русских пуль, штыков, ядер и партизанских рогатин, а от дизентерии, это будет факт. А он нам нужен? Где же здесь легендарные герои 1812 года и т. д.? Все национальные учебники истории в мире врут «в свою сторону». И это нормально. Во французском учеб-

нике Наполеону просто стало холодно и скучно в варварской Москве после блестящей победы под Бородином — и он вернулся в «милую Францию». А в американском учебнике именно США победили Гитлера. Школьный учебник истории — это важнейшее звено, даже база геополитической национальной пропаганды. Идет война за умы детей. Если мы не внушим нашим детям, что Россия — самая прекрасная страна с великой историей (что — правда!), то их неизбежно убедят в обратном, и они займут другую сторону баррикад. И станут пятой колонной анти-русской пропаганды. Другое дело, что воспитывать-пропагандировать надо нескучно, тонко, со вкусом, обязательно — с юмором. А так Поль Валери, кажется, сказал, что история не учит ничему, кроме шовинизма. Скажем мягче: история должна учить здоровому национализму: мы не хуже других. Несмотря ни на что. Пушкин ведь не хотел поменять историю России ни на какую другую. И он был прав.

2. Отчасти я уже ответил на этот вопрос. Добавлю только, что у меня вызывает большое сомнение необходимость «научности» школьного учебника. Писать «научно» — значит формировать так называемую научную картину мира. А какая «научная картина мира» в шестнадцать-семнадцать лет? Учебник должен быть просто интересным, таким, чтобы ученику захотелось почитать что-нибудь еще, кроме учебника. Учебник истории должен влюблять детей в историю. А дальше пусть формируются «научно» сами.

3. Не совсем понял про «социальные группы», это кто — военные, хиппи, домохозяйки, духовенство, интеллигенция, коммунисты, дворяне, байкеры?.. Главная установка: никакой оценочной социальной, а тем более национальной стратификации.

4. Я не думаю, что для ребенка история — это «трагическая борьба». Для ребенка история — это не трагедия Шекспира, а что-то вроде большого приключенческого романа (типа романов Скотта, Купера и т. п.), где есть «хорошие наши» и «плохие ихние». И «хорошие» в конце концов должны победить «плохих». А кроме того, история — это множество «прикольных» фактов, как у Жюль Верна. А еще это — фэнтези со всякими экзотическими названиями и загадочными событиями. Ребенок хочет некой умной и интересной беллетристики, а не мертвых цифр и трагического пафоса. А насчет «своей правоты» я бы сформулировал именно так: в России в конечном счете были по-своему правы все — и Пугачев, и Екатерина, и декабристы, и Николай I, и красные, и белые, и КПСС, и диссиденты. Все они — персонажи мифа, сказки. И все они были в этом романе «хорошие», хотя и «ссорились». И даже Баба Яга Ягода была не то чтобы плохой. Что-то вроде персонажа Миллера в фильмах. У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже. И на каждом витке истории был свой «хеппи-энд». И сейчас мы живем в очередной исторической сказке, которая обязательно закончится хорошо. Ведь, как сказано классиком, «что пройдет, то будет мило». Ребенок видит мир именно так. Он играет. Может быть, это звучит некорректно, но учебник истории — это «обучающая добрая игра». Типа Тимура и его команды. А «трагедией» она, может быть, станет для ребенка когда-нибудь потом, когда он перестанет быть ребенком. Не надо демонизировать, драматизировать и «трагедизировать» историю. История — прекрасна. Как жизнь. Прекрасна и удивительна.

5. Ставить вопрос, какие не включать, мне кажется, не совсем корректно. Есть здесь что-то от цензуры. Но любой эпизод нужно подавать, извините за выражение, с патриотической точки зрения. Да, в России была «нехорошая» опричнина, но за всю опричнину погибло меньше людей, чем за одну Варфоломеевскую ночь в Европе. Да, у нас было «нехорошее» крепостное право, но его отменили раньше,

чем рабство в США. Да, декабристов повесили и сослали, это негуманно, но в просвещенной Европе в той же середине 20-х годов еще жгли ведьм!

6. К сожалению, это утопия. Учебник истории будут писать историки, причем не лучшие, а «приближенные» к образовательной бюрократии. И скорее всего, написан он будет сухо и скучно. Ведь стандартный учебник — это огромные деньги. А кто даст «осваивать бюджет» вдохновенным мифотворцам...

7. Никакого «прогресса» и «регресса» в истории нет. Если где-то что-то стало «лучше», значит, что-то где-то — «хуже». И наоборот. Да, «технически» мир развивается, потому что растет население земли. И техническая революция последних двух веков — вынужденное последствие демографического взрыва конца XVIII — начала XIX века. Я боюсь, что новый учебник истории будет, если можно так выразиться, «экономическим». Ведь сейчас модны экономика и финансы. То есть детям в учебнике будут упрямо подменять живую историю всяческими цифровыми выкладками о том, кто кого опережал по выплавке чугуна и строительству железных дорог. И опять невольно будет создан образ фатально отстало-догоняющей России. Советские учебники были идеологизированы, постсоветские — идеологизированы в «антисоветскую сторону», новый может быть, так сказать, «менеджеризирован». Не хотелось бы. История — это живые портреты, удивительные людские судьбы и т. д., а не технико-политико-экономические гонки стран а-ля «Формула-1».

8. В социологические опросы и прочие псевдонаучные пасьянсы я не очень верю. И вообще смотрю на написание учебников (и книг вообще) отчасти «мистически». Я уверен, что хороший учебник — это учебник, написанный яркой личностью. Лучшие учебники по всем предметам всегда были авторскими. Может произойти только счастливое стечение обстоятельств, что вдруг Провидение соберет коллектив ярких людей — и они сотворят текст с харизматической начинкой. Но это — «свыше».

9. Конечно, какой-то минимальный мораторий необходим. Два-три года. Чтобы накопить материал для дальнейшей конструктивной ревизии. И далее — регулярные «ревизии-оптимизации». А как же без них?

Евгений Ермолин, критик, историк культуры, доктор педагогических наук (Ярославль)

1. Прежде всего: единственный «правильный» учебник — это абсурд. В плюралистическом постиндустриальном обществе не существует и не может существовать единой точки зрения на прошлое. Возможны и даже необходимы тенденциозные версии в пределах той линейки возможностей, которую допускают общество и закон. В идеале хорошая учебная книга должна предложить разные версии интерпретации ключевых фактов истории. Да, это предполагает педагогическую задачу: воспитание граждан, осмысленно выбирающих свое прошлое или даже отрекающихся от него, но тоже осмысленно.

2. Вообще-то для меня патриотизм не равнозначен триумфализму. Скорее наоборот. «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне». История в ее гражданско-государственных параметрах русским не задалась. Или крайне редко задалась. Им задалась искусство, наука, вера. Не вижу проблем в патриотической и одновременно научной интерпретации бедственного и трагического пути России в истории.

3. Никак не примирить. Поэтому и не нужно канонического текста. Нужно смириться с тем, что современное общество не объединяют ни традиционная вера, ни вообще единые мифы и ритуалы.

4. Возможно и создание такого учебника, где пространство истории предстает трагической сценой. Момент трагизма в российской истории очевиден.

5. Включил бы все эпизоды, в том числе недостоверные или очень сильно мифологизированные (вроде судьбоносных чудес от икон, Ледового побоища или Куликовской битвы), дав срез интерпретаций этих эпизодов.

6. Почему бы и нет. Правда, мне не очень нравится идея группы. Я предпочел бы видеть талантливо написанный, персонально авторизированный, остро личный учебник.

7. Да, концепция модернизации как один из алгоритмов, позволяющих описать прошлое, имеет право на существование. Мне эта концепция не кажется самой важной. Мне ближе идея ритмической пульсации осевых эпох в истории. Да и концепция Августина о двух градах не кажется совсем лишней.

8. Нет, в обществе постмодерна истина не определяется волей большинства.

9. ...А также сжечь все остальные учебники истории. Шутка.

Елена Иваницкая, критик (Москва)

1. 4. Неизжитый советский порок, и не только педагогический, — наивная уверенность в том, что жизнь (мироздание, история, человек) — это очень простая штука. Классики марксизма-ленинизма (или другие назначенные авторитеты) поскрипели мозгами и открыли всю окончательную правду. Наше дело — усвоить. Если кто-то не согласен — то либо дурак, либо злодей. Вот и в нынешней дискуссии главный тезис: учебник должен быть один, потому что правда одна. Это повторяют и простодушные родители, и государственные мужи. Не произносится, но подразумевается: правду знает начальство. В советское время ее знал идеологический отдел ЦК. А сегодня кто? Ну как же! У нас зря не сажают — писать учебник. Кому начальство поручило, те и выскажут правильную правду. Но даже склонившись перед мудростью начальства, владеющего «одной правдой», можно было бы робко возразить, что существует еще и подача материала: методики. Вот, например, латинский язык — он один, да еще и мертвый. А учебников все-таки много, потому что методики разные. Есть желтого цвета (Попова и Шендяпина), а есть серого (Болдырева и Боровиковского). А еще синего, красного, черного и других цветов радуги. Но вместе с «единой правильной правдой» в дискуссии презумптуется и «единая правильная методика». Это какая, хотелось бы знать? Боюсь, та самая, чтоб дети отбарабанили егэшную анкету.

2. Патриотизм — это НЕ любовь к родине. Любовь к родине — это личное чувство. Со всеми изгибами, какие присущи чувствам. Можно любить и не знать об этом. Можно не любить и быть полезнейшим гражданином, трудолюбивым и честным. Можно любить по принципу: кого люблю, того и бью. Всякое бывает. Такова любовь. Патриотизм — это не любовь, а идейный комплекс. Говоря словами Владимира Даля: «Ревность о благе отечества». Получается каламбур: не любовь, а ревность. В сегодняшних терминах — убежденность в том, какая государственность, какой общественный строй, какие экономические сценарии нужны и хороши для страны, а какие нехороши и вредны. Если некий патриотизм уж очень горячий и «воодушевляющий», то приверженцы других типов патриотизма называются изменниками и предателями. А если не очень, а в меру, тогда они называются оппозицией. История трагической борьбы, в которой за каждым из участников была своя правота, — это и есть история дравшихся насмерть воодушевляющих патриотизмов. Лично я в патриотизмах предпочитаю побольше разума, дискуссий и баланса интересов и поменьше воодушевления и страстей.

9. Если я правильно понимаю, то «общенациональный учебник» должен явить-

ся прямо в этом году. То есть без конкурса, без обкатки в течение нескольких лет он спустится нам на голову. Бац — получите! Мне кажется, уже этого достаточно, чтобы понять, каким он будет. Таким, что бесполезно спрашивать и рассуждать о научности, сложных сюжетах, прогрессе и регрессе и о чем бы то ни было.

Вера Калмыкова, критик, поэт (Москва)

1–9.

Так сложилось, что у меня есть друзья восемнадцати-двадцати лет. И вот один из них после некоторых неприятностей на личном фронте ударился в чтение, хотя раньше занятие сие было ему, в общем, чуждо. Много чего прочел, в том числе «Божественную комедию» (которую я, между прочим, после университета не открыла ни разу), и в результате разразился громадной поэмой о жизни. Вот такой человек. Однажды мы говорили о русском менталитете, и я ему сказала: «Но ведь был 1937 год, это же надо учитывать...» А он в ответ: «Вы извините, Вера, но я историей совершенно не интересуюсь».

Понятно, да, о чем я? Учебник истории должен быть написан так, чтобы все персонажи, то есть, конечно, реальные лица, были ЖИВЫМИ — как у Данте. Чтобы это были люди, которые чего-то — хорошего или плохого — хотели, к чему-то стремились, такие-то страсти ими управляли. Как воробей Лесбии у Катутла, тоже, между прочим, историческое (хорошо, хорошо, историко-литературное) лицо: помер две тыщи лет назад, а нам до сих пор его жалко. Набор фактов и дат — это интересно тому, кто уже умеет видеть за фактами и датами живых людей. Если мы научим интересу к людям, интерес к датам придет сам.

Все, что написано в учебнике истории, должно БРАТЬ ЗА ЖИВОЕ, потому что за каждым словом — мириады когда-то живших людей, и миллионы из них проводили годы в печали, а умирали страшно и мучительно. И мы им должны, понимаете? И обязаны отдать им долг хотя бы ИНТЕРЕСОМ, хотя бы толикой сочувствия. Не говоря уже о том, что совершенно не нужны человечеству кровавые повторения пройденного. Мы, взрослые, должны понимать: наука история — это вообще-то о жизни и смерти, ни о чем больше. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

Мне совершенно ясно, что учебник истории должен писать ученый, желательно гениальный, а соавтор у него должен быть писатель. Еще один соавтор — работающий хороший педагог, причем лучше бы лет сорока, не старше, чтобы связь с детьми была непосредственной: у сорокалетних людей собственные дети, как правило, плюс-минус того же возраста, как ученики. Писатель — для того, чтобы повествование было УВЛЕКАТЕЛЬНЫМ, потому что ведь дети же. Я думаю, вообще нельзя думать о школьниках как об «учащихся», надо почаще вспоминать, что они просто ДЕТИ, а детям очень нужно, чтобы им постоянно что-то РАССКАЗЫВАЛИ. И при этом дети очень четко секут фальшь, поэтому рассказ должен быть ПРАВДИВЫМ. Если на какие-то события не устоялась точка зрения — не надо ее совсем, говорите о людях.

Итак: честно и интересно расскажите детям о событиях минувшего, чтобы они поняли: вот задолго до них, поколение за поколением, приходили и уходили такие же люди, как они, а после уже их ухода придут какие-то еще. Не надо больше ничего: хороший рассказ сам собой УЧИТ, никаких дополнительных методик не нужно.

Каспер Калле, писатель (Таллин)

1–6. Мой ответ будет крайне пессимистичным. По-моему, история — это вообще не наука, а средство пропаганды и инструмент политической борьбы. К такому выводу меня привела работа над эпопеей «Буриданы», посвященной всему XX веку.

В ходе многолетнего труда мне пришлось прочесть немалое количество томов, написанных русскими, эстонскими, немецкими, англосаксонскими и другими историками. И везде я встречал элементы пропаганды, где сознательной, где подсознательной. Каждый автор, кроме личного, внес в свое произведение и что-то коллективное, исходящее из его национальности и политических пристрастий. Больше всего мне понравились немцы: поскольку их заставили ненавидеть свое прошлое, то их тексты оказались самыми сдержанными, объективными. Англосаксы пишут с «позиции силы» — их среди историков больше всего, и они выработали весьма четкий идеологический взгляд не только на XX век, но и на все прошлое человечества. Для них нынешнее положение вещей, то есть демократия под их руководством, — идеал, и они оценивают всю мировую историю с этой точки зрения. Они всегда правы, они умнее всех. Русские историки, наверное, еще не скоро поймут, что нет смысла анализировать советскую эпоху как период российской государственности; пока попытки идут именно в эту сторону и, естественно, ни к чему системному не приводят. Создается шизофреническая ситуация, где стараются соединить в одно положительное целое, например, православную церковь и Сталина. Я с любопытством жду, когда русский народ перестанет гордиться тем, что его почти тридцать лет насиловал малообразованный грузин. Среди эстонцев преобладает оптимистический патриотизм — дескать, не так уж плохо мы воевали в рядах немецкой армии.

А если пропагандистский элемент столь четко наблюдается в исторических трудах, предназначенных для взрослого читателя, то чего требовать от учебников? Учебник — это мероприятие государственное. А государства — они как люди, они обладают всеми теми качествами, которыми обладает и человек. То есть государства корыстны, жадны, эгоистичны, лживы и т. д.

И так, как люди выстраивают логическое объяснение своему поведению, поступают и государства. Такое объяснение — это и есть история данного государства. Притом вы прекрасно знаете, что людям свойственно облагораживать себя и осквернять других. Когда человек рассказывает свою «историю», он намеренно приводит одни факты, для него выгодные, выставляющие его в хорошем свете, и скрывает другие, или, когда ему надо объяснять мотивы своего поведения, он всегда находит причину, почему поступить иначе просто не мог, причины поведения других же понять не желает; государства в своих «историях» поступают так же.

Вот мы и имеем на своей планете множество «историй». И все они лживы.

7. Конечно, хорошо бы писать про прогресс и регресс в истории, но как это делать? Люди стали очень обидчивыми, настолько обидчивыми, что государства посчитали нужным защищать их чувства параграфом. Ну, как ты скажешь: «В начале XXI века снова подняло голову религиозное мракобесие, которое, казалось, навсегда побеждено просвещением и наукой»? Могут ведь и посадить. И не только в России — в Европе тоже, там бдительно следят, чтобы никто не задел мусульман.

8. Средством пропаганды и политическим инструментом стал отнюдь не только XX век, а вся история человечества начиная с древнего мира. Уже нельзя, оказывается, говорить про правящую элиту иностранного происхождения во время додинастической эпохи Египта, потому что это «расизм». Рас, господа, если вы еще не знаете, вообще не существует. Это такой последний пинок англосаксов Гитлеру — вот он говорил про арийское превосходство, а рас-то вовсе нет, нет белых, черных, желтых, нет — и все.

А с каким садистским удовольствием англосаксонские историки унижают Древний Рим! Некоторое время назад мне попала в руки книжка, в которой на полном серьезе доказывалось, что кельты были намного цивилизованнее римлян...

Двадцать веков христианского террора тоже создали целую систему табу, которую ангlosаксы со свойственным им лицемерием до сих пор поддерживают. Мы все многократно читали про то, как кровожадные римляне казнили бедных христиан — но часто ли вы замечали описания того, как вызывающе, провокативно эти христиане себя вели, с каким упоением они занимались вандализмом, уничтожали древнегреческие и древнеримские храмы и скульптуры?

9. На мой взгляд, современная школа теряет свою первоначальную, познавательную функцию. Знаний там дают все меньше; так, недавно в Таллине выступил один, простите, ничего не могу поделать, опять ангlosаксонский профессор математики, который считает, что школьная математика скучна и не нужна и на ее уроках надо учить чему-то более полезному, чем, скажем, квадратные уравнения — например, как управлять мобильным телефоном. Как бы такое не случилось и с историей.

Елена Краснухина, философ, эссеист (Санкт-Петербург)

1. В учебнике национальной истории предвзятость неизбежна. Победа одного народа есть поражение другого. Более беспристрастной является история всемирная, если она не сводится к сумме историй Отечества.

2. Ясно, что по замыслу авторов учебник будет служить делу патриотического воспитания даже в большей степени, чем делу просвещения. Однако сам патриотизм представляет собой явление чрезвычайно сложное. «Отнюдь не патриотизм создал нации», — утверждает испанский философ Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс». При этом имеется в виду как раз тот патриотизм, который формирует историческое знание — привязанность к отечественному прошлому. Безусловно, без знания общего прошлого не может сформироваться национальное самосознание. Но это не вся правда. Еще важнее, что национальная жизнь заключается в импульсе движения в будущее, которое не повторяет прошлое, не является его реконструкцией и реставрацией. Национальная активность есть в этом смысле скорее планы на будущее, чем воспоминания о прошлом. Типичный американец гордится прежде всего настоящим периодом в жизни своего государства: «Мы живем в самой свободной стране на свете» — пусть даже эта гордость и основана на мифологии. Россиянину же предлагается гордиться славным прошлым при уверенности в том, что настоящее упадочно по отношению к былым победам. Настоящий патриотизм должна формировать современная общественная жизнь, а учебник истории, как ни странно, играет меньшую роль в формировании истинного патриотизма, чем текущая политика, экономика, культура.

Под патриотическими чувствами обычно имеется в виду любовь к своему родному, особенному, национально специфическому. Но результаты деления на свое и чужое не совпадают с различием хорошего и дурного. Патриотизм может выстраиваться согласно слогану англичан «Right or wrong — my country» («Право или неправо отечество — оно мое отечество»). Однако такой патриотизм снимает критерий различия доброго и злого. Это заставило Герцена задаваться вопросами: где находятся границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Патриотизм не должен противоречить этике, поэтому истинно патриотический учебник истории необходимо должен содержать и критический анализ, и негативные оценки отечественного прошлого и настоящего. Любовь к Истине и любовь к Отечеству всегда находились в состоянии трагического противоборства.

В работе «Национальный вопрос в России» Вл. Соловьев определяет национальное не как *предмет* патриотической любви, а как стиль и особенности жизни

и творчества. В последнем смысле Дарвин — это английский ученый, а Достоевский — русский писатель, поскольку они выразили английское и русское миро-созерцание. Те же, кто делает из национальной культуры *предмет* культа и реставрацию старины, национального духа собой как раз и не воплощают. К их числу относятся многочисленные борцы против англицизмов в современном языке, патриотизм которых прост и элементарен: надо называть вещи по-русски, не надо — по-нерусски. На самом же деле как раз чрезвычайная восприимчивость к иноязычию всегда была национальной особенностью русской речи. Так, защищая родной язык, наши законодатели пытаются выступать против его силы и богатства, против основных его черт и характеристик.

В патриотизме наличествуют два акцента: пространственный и временной. Проблема патриотизма есть проблема обустройства национального дома. Россия предпочитает выстраивать себя как пространственную ширь. Но в необъятности национального дома содержатся свои опасности и искушения. Бесконечный мир, открытый Коперником, сделал человека бездомным. Кровными узами человек связан с конкретностью «малой родины», а не с пространством гигантской империи. Новый учебник истории должен погружать изучающих его в необъятное историческое время, которое может стать приоритетным по отношению к необъятному географическому пространству государства Российского.

«Уверенные в своей безгрешности люди — вот кто внушает мне ужас. А таково большинство злодеев», — говорил А. Панченко. Отсутствие чувства вины является признаком не невинности, а бессовестности. Все это заставляет нас задуматься о моральных основаниях патриотизма. Наивно мыслимый патриотизм тождествен гордости за свою Родину и ее историю. Чувство вины или стыда, как правило, из него исключается. Миф об Эдипе, наказанном за проступки против воли богов своих дальних предков, демонстрирует, что вина имеет исторически наследственный характер, что искупать грехи предков приходится их потомкам. Таков объективный ход истории, независимый от того, нравится нам это или нет. Нация протянута не только демографически и географически, но и исторически. Всякое чувство национальной идентичности основано на верности наследию. Получая наследство, нельзя принять богатство, но отказаться от обременяющих его долгов. Так и историческая память не может быть избирательной, сохраняющей только славу и отвергающей позор. Воспитываемый новым учебником российский патриотизм не может не включать в себя широкий диапазон национальных чувств, простирающихся от ощущения гордости до ощущения вины. Иначе будет умалена содержательная историческая общность с собственным прошлым. Истинной противоположностью гордости своим превосходством является унижение в своем ничтожестве, а вовсе не развитое чувство вины или гордо и добровольно принимаемой на себя ответственности за содеянное в прошлом и в настоящем.

3. Историю пишут победители, канонизируя свою позицию. Важно, чтобы реванш потерпевших исторический провал своего дела происходил не только в области научной и учебной литературы, но и в самой действительности. Шутка гласит: если бы за Колчаком пошло столько же людей, сколько пришло на фильм «Адмирал», исход Гражданской войны был бы иным. И дело заключается не в правдивости или фантазийности художественной реконструкции исторических событий. Белое дело — это исторический проект, в прошлом потерпевший провал. Однако наша современность частично восстанавливает его историческую правоту, создавая Россию, в которой не главенствуют большевики и не правит коммунистическая идея.

4. За каждым из участников истории стоят свои интересы, надежды и чаяния,

не обязательно обладающие правотой с точки зрения магистрального вектора истории. Правда не стоит за одержавшими верх по принципу «победителя не судят», видящего в самой победе признак правоты. Правда не сопутствует угнетенным и эксплуатируемым социальным низам, вечным потерпевшим в общественной борьбе, как предполагали марксисты. Движение декабристов было дворянским по своей сути, а не простонародным. Участвовавшая в нем знать потерпела фиаско в своих либеральных начинаниях. Но историческая правда оказалась в этом случае на стороне поражения. Рабочее движение луддитов, несмотря на его классовый состав, вряд ли обладало исторической правдой с точки зрения технического прогресса. Все участники истории заинтересованы, но не все из них оказываются правы на суде истории. Однако суд истории бесконечно продолжается, и ни одно дело не может быть на нем окончательно проигранным или победившим.

5. Никакой минимум или максимум событий и их оценок не может быть окончательно установлен в историческом знании. В постоянном пересмотре прошлого нет ничего зазорного. Напрасно многие иронизируют по поводу того, что Россия — это страна с непредсказуемым не только будущим, но и прошлым. Свое понимает при столкновении с чужим, настоящее — при сопоставлении с прошлым, а прошлое по-разному раскрывается в перспективе взгляда на него из всякий раз новой современности.

6. Творческое воображение является неотъемлемой частью дара историка в еще большей степени, чем таланта психолога. Учебники истории должны писать художественно одаренные люди. Но талант и беспорность суждений никогда не осуществляются вместе.

7. Разговоры о прогрессе неразрывно связаны с предположением той или иной цели истории, а цели истории, как и ее истоки, неясны.

8. Устанавливать историческую истину с помощью социологических опросов стоит не больше, чем с помощью общественного мнения отвечать на вопрос: Земля вращается вокруг Солнца или наоборот?

9. Лучше объявить мораторий на создание общенационального учебника. История как действительность — это борьба сил, история как наука — это борьба мнений. Напрасно говорится, что «история не знает сослагательного наклонения». В любой важный исторический момент происходит выбор одного из многих сценариев дальнейшего развития. История полна как сбывшихся, так и нереализованных чаяний и возможностей. Всегда важно понимать, что все могло произойти иначе. И если история строится из альтернатив, то почему безальтернативным и однозначным должно быть ее изложение? Англоязычный термин «history» как бы подчеркивает, что история — это нарратив или пронизанный единством сюжета рассказ. Американские феминистки даже требовали введения термина «herstory» как равно употребляемого наряду с кажущимся им сексистским «history», что лишний раз свидетельствует о неправильной ассоциации истории с рассказыванием историй. Истинное значение древнегреческого понятия «гистория» есть исследование. Дух исследования прошлого должен присутствовать не только в исторической науке, но и в педагогической практике и литературе, а учебник истории не должен превращаться в набор историй, мифов и сказаний, подчиненных политической конъюнктуре.

Михаил Кураев, писатель (Санкт-Петербург)

1–9.

«Помещики устраивали облавы на крестьян, потом к ним присоединились большевистские комиссары» — это из ответа на экзамене по истории в 2013 году

московского школьника, родившегося в «свободной» от идеологии, цензуры, а заодно и царя в голове сегодняшней России. Замечательное, исчерпывающее свидетельство того, что в пору затянувшейся *безвременщины* творится в головах, неспособных к самостоятельному мышлению.

Дискуссии о том, каким должен быть учебник истории сегодня, сродни схоластическим диспутам, впрочем, может быть, в них было больше проку.

Не могу себе представить, чтобы красногвардейские комиссары и белогвардейские благородия сели за «круглый стол», чтобы договориться: каким должен быть учебник отечественной истории. Для одних крах самодержавия — трагедия. Для других торжество справедливости. И даже казнь августейшей семьи — лишь осуществление за сто лет до того высказанного пророчества: «Самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу, твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу». (Сегодня уговаривают считать «злодеем» Наполеона, а уж от «увенчанного злодея» Павла I «стрелку» перевести некуда.) Кстати, именно Пушкин считал, что историю должны писать поэты. Они ее и пишут, но не учебники. «Песнь о вещем Олеге», «Бородино», «Арина — мать солдатская», «Генерал Топтыгин», «Скифы», «Двенадцать», «Василий Тёркин», а может быть, даже «Братская ГЭС» и есть наша история.

В советское время выпускались замечательные книги, назывались они «Пособие для преподавателей истории». Это были своего рода объемистые хрестоматии, включавшие в себя документальный комментарий к различным разделам отечественной истории. (Естественно, подбор документов, выбор фрагментов были целенаправлены, зато никакого «установочного» комментария, кроме библиографического, не было.) Но у документа, даже его кусочка, есть не только авторитет подлинности, но и притягательность, вызывающая желание и целиком познакомиться со свидетельством нашей реальной истории. Все советские школьники знали, что 9 января 1905 года рабочие окраины Санкт-Петербурга двинулись к батюшке-царю с петицией. А кто эту петицию видел? Кто читал ее пункты? Я ее увидел в школьные годы только в Казанском соборе, на витрине в Музее истории религии и атеизма. В петиции как раз и заключен ответ, почему по людям, распевавшим «Боже, царя храни», стали палить из винтовок. Там не только про восьмичасовой рабочий день, там все пункты Манифеста 17 октября 1905 года («незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»), пожалованные уже через девять месяцев, увы, через кровь.

Прочитай два документа, сравни даты и соображай!

Прочитай приветствие саратовскому губернатору П. А. Столыпину от государя императора за «наведение порядка» в губернии, а рядом пару-тройку писем Петра Аркадьевича жене, где он сообщает, что без войск в уезды выезжать «нет смысла» и сколько времени у него занимает распределение пулеметов (!).

Читай, соображай. «Слева — кудри токаря, справа — кузнеца», вот и выбирай, кто тебе милей.

Это так, для примера. Сегодня счастливейшее время, когда документы, исторически наиболее важные, действительно выпущены на свободу. Пусть школьник познакомится с фрагментами переписки Грозного с Курбским, а не судит о Грозном по фильму «Царь». Пусть почитает переписку последнего царя и последней царицы, отрезвляющее чтение. Полезно почитать и короткие письма т. Ленина к т. Куряеву (увы, однофамильцу, отказавшемуся вешать попов) в Пензу, чтобы ощутить реальность Гражданской войны и роль личности в истории. Пусть познакомится с документами вермахта, касавшимися судьбы Ленинграда после его захвата, может быть, не станет рисовать свастики на стенах...

Сегодня — слово документам!

А учебники истории заказывают победители. Поскольку сегодня в победителях «новые русские», вот юношество, под стать хозяевам жизни, и пребывает в убеждении, что сначала помещики устраивали облавы на крестьян, а потом к ним присоединились большевистские комиссары.

Александр Ласкин, писатель, культуролог (Санкт-Петербург)

1. Высоко оцениваю лукавство вопроса. Думаю, не надо объяснять, что «пропагандистские устремления» тут ни при чем. В школе учат, а не агитируют. Занятия ведутся не на баррикадах, не на передовой, а в классе. Если забыть об этом, то последствий не оберешься. Советская власть только и делала, что демонстрировала «пропагандистские устремления», и в результате поломано столько душ! Пропаганда в эти годы заменяла все: экономическую науку, философию и, конечно, историю. Хорошо помню, как удивил меня в детстве толстенный том «Истории гражданской войны». Все члены редколлегии этой книги один за другим пропадали в тюрьмах — и мой дедушка честно их вычеркивал. То синими, то фиолетовыми, то еще какими-то чернилами. Историческая реальность менялась на глазах — и он пытался зафиксировать эти перемены... Печальнее всего, что эти зачеркнутые освещали своими именами книгу, в которой все было так, как полагалось: портрет Ленина — большой, Сталина — чуть поменьше, а Троцкого совсем крохотный...

2. Этого баланса нет и не может быть в реальности. Что-то в истории нас радует, а что-то вселяет горечь и разочарование. Даже стыд. Буквально в каждом историческом эпизоде так. Взять хотя бы войну. Конечно, мы победили, и это правда. Но все же не вся правда. Были бессмысленные жертвы, ничем не оправданные военные приказы. Стучали о стакан зубы Сталина, когда он произносил свое: «Братья и сестры...» Был страх и ужас, когда немцы подходили к Москве... Сколько сил и мужества потребовалось нашим лучшим писателям-фронтовикам — Василию Быкову, Виктору Астафьеву, Вячеславу Кондратьеву — для того, чтобы война воспринималась как некая сложность. Казалось бы, после «Прокляты и убиты», «Сотникова» или «Отпуска по ранению» в этом не усомнится никто. Тем удивительнее появление людей, как видно, не читавших ни Быкова, ни Астафьева, ни Кондратьева, которые говорят: никаких поклепов на нашу победу! Вряд ли сложность может быть названа поклепом. Так же как математика — это не поклеп на арифметику, а действие более высокого порядка.

3, 4. Примирить не удастся. Поэтому учебник будет неизбежно представлять какую-то группу, вместо того чтобы представлять историю... А вот с правотой каждого участника как-то не получается. Вряд ли можно оправдать раскулачивание, голод на Украине, «дело врачей», да много чего еще. Так что ограничимся этим: история трагической борьбы. Или короче: история как трагедия. Еще так: история как борьба. Где-то между этими словами находится правда. А следовательно, и ответ на вопрос о том, каким должен быть учебник истории.

5. Сама постановка вопроса невозможна. Конечно, никакому автору не охватить всего. Но давать ему указания не имеет права ни такой частный человек, как я, ни тем более какой-нибудь важный государственный орган. В противном случае все закончится «Кратким курсом», этим образцовым единым учебником истории.

6. На самом деле это и есть главная проблема. Ясно помню вяжущее ощущение скуки от советских учебников. Как-то их авторам удавалось превратить интересное в занудное. Да и на занятиях по истории в школе и институте я по большей

части скучал и переписывался с соседом по парте. Когда же во время перестройки стали публиковать настоящие документы (прежде всего о советской истории), я читал их взахлеб. Первое впечатление: это же Шекспир! это почище Шекспира! Второе: сколько пропущено! Если бы историю Ленина–Сталина–Хрущева–Брежнев–Горбачева преподавали такой, какой она была, то школьники сидели бы на уроках с открытыми ртами... Это по поводу первой половины вопроса. Что касается второй, то с писателями-мифотворцами я бы не спешил. Учащиеся должны покинуть школу с ощущением реальной истории. С пониманием: да, все сложно, противоречиво, несводимо к одной формуле. Тем удивительнее, что мы остались страной великой культуры. Не потеряли способности думать и размышлять... Кстати, именно такое ощущение возникает при чтении книг, которые, конечно, учебниками не назовешь, но которые могли бы стать примером для авторов будущих учебников. Я имею в виду книгу М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти» и три книги С. Волкова «История культуры Санкт-Петербурга», «История русской культуры XX века» и «История русской культуры в царствование Романовых».

7. Такие понятия, как прогресс и регресс, вряд ли применимы к истории. Что-то отбрасывало нас назад, но что-то продвигало вперед. Есть знаменитый вопрос: можно ли писать стихи после холокоста? Переиначим его так: можно ли писать стихи во время холокоста? Или, к примеру, во время ленинградской блокады? Ответ будет положительным: как бы ни были ужасны обстоятельства, люди продолжали мечтать, думать, творить. На этот счет есть огромное количество примеров. Если ограничиться нашим, питерским, опытом, то назовем хотя бы прозу Марии Рольникайте, созданную в гетто, или блокадные стихи Геннадия Гора.

8. Не случайно социология с ее упором на эмпиризм и стремлением к точному знанию получила развитие в конце XIX века. Как видно, это было предчувствием: XX столетие будет отмечено небывалым взрывом мифотворчества... Думаю, что учебник должен как можно больше пользоваться языком цифр. Это и будет настоящим противоядием против разного рода «тенденций» и «точек зрения».

9. Этот вопрос завершает картину будущего. Сперва будет создан единый учебник истории. Потом попадут под запрет другие учебники, кроме этого. О том, что случится еще, люди постарше могут вспомнить, а люди помладше — прочитать в разных книжках. Навскидку предлагаю антиутопии Замятина или Оруэлла.

Александр Мелихов, писатель (Санкт-Петербург)

1–9.

Историю Франции для нас долго писали русские классики. Одни наблюдали ее собственными глазами, как Фонвизин: «...француз рассудка не имеет и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье, ибо онный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться; нечистота в городе (речь идет о Париже. — А. М.) такая, какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно, такую же мерзость нашел я и в прочих французских городах, которые все так однообразны, что кто был в одной улице, тот был в целом городе, а кто был в одном городе, тот все города видел; корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая самых философов нынешнего века, в рассуждении денег не гнушаются и они человеческой слабостью, Д'Аламберы, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие; сколько я понимаю, вся система нынешних философов состоит в том, чтоб люди были добродетельными».

тельны независимо от религии, но кто из них, отрицая бытие Божие, не сделал интереса единым божеством своим и не готов жертвовать ему своей моралью?..» «И если кто, — завершал автор „Недоросля“, — из молодых моих сограждан, имеющих здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неурейства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию, где всякий живет для одного себя, где дружба, родство, честь, благодарность считаются химерою, где наслаждаются сокровищами мира одни девки».

Другие классики больше вслушивались в эхо громких французских событий, как это делал Лермонтов: «Мне хочется сказать великому народу: ты жалкий и пустой народ! Из славы сделал ты игрушку лицемерья, из вольности — орудье палача, и все заветные отцовские поверья ты им рубил, рубил сплеча, — ты погибал... и он явился, с строгим взором, отмеченный божественным перстом, и признан за вождя всеобщим приговором...» — словом, один был порядочный человек — Наполеон, но и тут, «как женщина, ему вы изменили, и, как рабы, вы предали его!»

Но у Толстого уже и Наполеон предстает одуревшим от удач и самодовольства ничтожеством с жирными ляжками — так что и тот, если правду сказать, свинья.

Словом, у французозов были строгие и нелюбимые русские наставники — и какие же уроки извлек из их обличений «жалкий и пустой народ»?

Шарль де Голль так писал о своем образе Франции: «В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если, тем не менее, случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждающиеся французы. Но не гений самой нации.

Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах; что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу; что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией».

Совершенно очевидно, что полковник де Голль воодушевлялся не историей-наукой, старающейся узнать, как было «на самом деле», но историей-культурой, стремящейся изобразить прошлое красивым и величественным. Поэтому, будучи далеко не самым крупным военачальником, он принялся задолго до Второй мировой войны писать статьи, где доказывал необходимость ударных танковых соединений вопреки господствовавшей государственной мудрости, требовавшей не высовывать носа из-за «неприступной» линии Мажино (и тем самым невольно сигнализируя Гитлеру, что за ее пределами он может не опасаться удара в спину). А когда Франция была в считанные недели разгромлена, де Голль отказался участвовать в «мирном процессе» и улетел в Лондон, увозя с собой, по словам Черчилля, честь Франции.

Но, пардон, как может спасти честь страны один человек, если все государство во главе с законным правительством покорно улеглось под страшного и отвратительного врага? Как действия одного человека могут перевесить действия миллионов? А вот так — в истории сохраняются прежде всего эффектные символические жесты и слова: я призываю всех французов объединиться вокруг меня во имя действия, самопожертвования и надежды, я с полным сознанием долга выступаю от имени Франции.

Но разве Франция расположена в лондонской радиостудии? Или у нас имеются две Франции? Именно так: есть Франция, возглавляемая предателями (ничего, что главный из них — маршал Петен — герой Первой мировой войны), и есть Франция Свободная, Сражающаяся, — пусть пока еще больше в мире слов и жестов. А законность этой самоназначенной власти «основывается на тех чувствах, которые она вдохновляет, на ее способности обеспечить национальное единство и преемственность, когда родина в опасности». Да, вот так: наша родина не в территориях и правительствах, но в умах и в сердцах.

Разумеется, серьезные люди не принимали всерьез недопеченного бригадного генерала, которого и в собственной-то стране знали только сослуживцы. Но Черчилль поставил именно на него, не располагавшего ничем, кроме веры в величие Франции и высоких слов, имеющих очень слабое отношение к действительности: Черчилль официально признал де Голля «главой всех свободных французов».

И в дальнейшем де Голль неотступно требовал от всех глав могущественных государств обращаться с собою как с равным. И в конце концов действительно стал главой Франции! И добился для нее равноправного вхождения в число стран-победительниц!

Можно сказать, он заранее готовил главы для будущих учебников истории, восполняя красивыми словами и гордыми жестами отсутствие реальных сил. И в конце концов победил! Национальная история Франции пишется по де Голлю.

То есть историографию все-таки можно конструировать. И даже словами. Но не простыми, а золотыми, оплаченными золотом подвига.

Интересно только, какой была бы история Франции, если бы в свое время де Голль поверил Фонвизину и Толстому?

Владимир Соболев, писатель (Санкт-Петербург)

1. Пропаганда значит — распространение. Если авторы собираются распространять знания — это хорошо. Если в их текстах возможно отыскать лишь мнения, только эмоции — это плохо.

Кто-то сказал, что история (как нарратив) — политика, опрокинутая в прошлое. Вряд ли кто-то из смертных способен освободиться от собственных пристрастий и антипатий. И «педагогическая задача» тоже формулируется в принятых нынче понятиях, а потому вряд ли можно найти высказывание нейтральное, очищенное от шелухи современности.

Думаю, что авторы учебника должны прежде всего уяснить, что такое история как дисциплина. Тогда стержень будущего труда делается понятным с начала работы...

2. Наверное, одним школьным учебником сегодня не обойтись. Нужно, по крайней мере, два.

Первый — с пятого по восьмой класс (примерно) — покажет событийный характер Истории. То есть ученики должны получить эмоциональный заряд. Их нужно «заразить» интересом к прошлому. Они должны узнать о деятелях прошлого и прочувствовать то, что происходило века и тысячелетия назад. Нужно давать примерами романы, новеллы, фильмы, картины, скульптуры. Ахилл, Цезарь, Карл, Владимир, Ярослав должны сделаться им своими, как люди в своем же доме. Как пример — «Рассказы об истории для детей» госпожи Ишимовой.

Второй для тех, кто переступит в девятый класс. Здесь уже можно выстраивать события в причинно-следственную цепочку и больше обращать внимание на внутреннюю подоплеку происшествий: смены правителей, столкновение государств и т. д. Также не надо забывать об истории «повседневности»...

3. Примирить невозможно. Надо показать ученикам, что само развитие человечества происходит в борьбе различных интересов. Если удастся найти компромисс, двигаемся эволюционно. Если партии, страты, классы и государства настроены слишком враждебно, случается революционный скачок.

Тогда, кстати, учеников возможно настроить на спокойное разрешение любого конфликта...

4. Да, и об этом я написал в ответе на третий вопрос...

5. Когда-то С. М. Соловьев, рассказывая о борьбе русских с поляками, написал примерно следующее (цитирую по памяти): а что псковичи сделали с пленными ратниками Витовтовыми, я и сообщить не берусь из боязни оскорбить современного читателя...

Наверное, к историческим событиям и надо подходить с похожей позиции. То есть давать ученикам понять, что История крайне жестока ко всем людям, но и не вдаваться в подробности. Вообще, надо думать о том, что включить в учебник. Для всего места не хватит...

6. Почему не слышим — не знаю. Считаю, что все учебники должны быть увлекательны. Да, к созданию учебников нужно привлекать литераторов, чтобы сделать текст не просто доступным, а захватывающим. Во всяком случае, когда речь идет о младших и средних классах.

Но при этом нужно помнить, что проводить учебник в школьную жизнь будет учитель. Его тоже нужно как-то воспитывать...

7. Понятие «прогресса» выдвинул Тюрго в конце XVIII столетия. Античность видела смену формаций в виде замкнутого кольца. Эту проблему изящно разобрал академик Н. И. Конрад.

Жан Поль Сартр съязвил как-то, что прогресс — долгий путь, который ведет ко **мне**. Если мы видим себя на вершине подъема, да, можно говорить о прогрессе и регрессе («А кто не верит нам, тот негодяй и хам», — Владимир Высоцкий от лица деятелей китайской культурной революции). Если же хотим быть разумными, надо бы вести себя поскромнее...

8. Ни в коем случае. Если принять такой метод, то и естественнонаучные парадигмы мы будем выносить на всенародное обсуждение.

9. Р.- Дж. Коллингвуд утверждал, что каждое поколение переписывает историю заново. С этой точки зрения (я ее разделяю) невозможно написать учебник, годный на все времена.

Валерий Столов, историк, публицист (Санкт-Петербург)

1. Комплексом педагогических задач, не последнее место среди которых играют пропагандистские устремления. Как непосредственно самих авторов, так и заказчика — государства.

2. Для учебника **национальной** истории научность заведомо носит подчиненный характер по сравнению с задачами идейной индоктринации. (Кстати, эти задачи отнюдь не сводятся только лишь к патриотизму — привитию ученикам позитивного отношения к своей гражданской принадлежности. Скажем, ценности демократии также пропагандируются посредством учебников истории.) Тем не менее научность не следует полностью игнорировать. Это непростая задача, учитывая, что учебники по отечественной истории XX века практически всегда, начиная с советских времен, научность игнорировали — эту традицию еще только предстоит заложить.

3. Методологический опыт такого примирения имеется в учебниках разных стран. Для этого материал о том или ином неоднозначном историческом сюжете

размещается на развороте. Причем на одной странице дается один взгляд на событие или его оценку, а на соседней — другой. Понятно, что проблема не сводится лишь к компоновке двух текстов «под шапкой» одного параграфа. При их написании следует отбросить крайние, непримиримые точки зрения. Каждая из них в чем-то должна пересекаться с другой, чтобы ученик не подумал, что речь в них идет вообще о различных событиях.

4. Ну, все же не за каждым. У нас пытались одно время утверждать правоту владимировцев, к примеру. Ну, как-то с этим не очень пошло.

5. Этот список получится гораздо более длинным, чем список событий, которые я бы включил. Да и потом: проблема не сводится лишь к перечню эпизодов. Не меньшее значение играет то, какие конкретно аспекты исторических сюжетов подлежат раскрытию в учебнике. Взять, к примеру, такие два известнейших сюжета, как участие России в Первой и Второй мировых войнах. По советской традиции в первом случае учебники подробно информировали читателя о внутренней ситуации в воюющей стране; во втором — о ходе боевых действий на фронтах. В последние годы набирает силу обратная тенденция: в учебниках больше пишут о положении на фронтах в 1914–1917 годах (что связано с пересмотром советской концепции «империалистической», «братоубийственной» ПМВ). И, напротив, о боевых действиях в ходе Великой Отечественной сейчас говорят меньше. Во всяком случае, знания «десяти сталинских ударов» уже не требуется. Это как раз пример сокращения «исторического минимума».

6. Очень правильный вопрос. Разумеется, он не сводится к профессиональной принадлежности авторов. Его суть в том, что за спорами о «правильности» учебников истории совершенно теряется идея о том, что они должны быть увлекательными, должны **рассказывать истории**, а не являться справочниками, в которые они уже давно превратились. Причина тому — архиперегруженность программы. Учебник должен упомянуть обо всем и при этом не имеет возможности сколько-нибудь подробно рассказать хоть о чем-то. Это совершенно неправильно. Интерес детей и подростков к истории — мощнейший ресурс для ее преподавания. И учебники обязаны этот ресурс использовать.

7. Только если смысл этих понятий — прогресс и регресс — будет предварительно раскрыт. И я сильно сомневаюсь, что это реально возможно.

8. То есть, по сути, предлагается «народный учебник». С одной стороны, предложение вполне в духе времени. С другой — именно подобный подход использует профессор Данилов, автор одного из наиболее одиозных учебников по отечественной истории. Когда ему в порядке критики указывают на вопиющую ненаучность тех или иных положений, содержащихся в книге, он отвечает: «Но народ помнит именно так!» Ну, а то, что народная память целенаправленно формируется под воздействием государственной пропаганды — это уже другой вопрос...

9. Предлагаемое «закрытие канона» присуще сакральным, священным текстам. Вот в них действительно нельзя вносить никаких изменений или дополнений: такая редакция приравнивается к святотатству. Учебник же не только может, но и должен меняться, это требование является законодательным. В частности, школы, в которых учащимся выдают учебники, напечатанные свыше пяти лет назад, подвергаются штрафным санкциям. Так как ревизия является неизбежной. А вот чего действительно в учебниках истории быть не должно, так это описания нынешнего правления. Но хотя поначалу было заявлено о том, что президентства Путина и Медведева в новых учебниках отражены не будут, опубликованный историко-культурный стандарт по-прежнему содержит события по 2012 год включительно.